

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕМЫ И ФОНОЛОГИИ

Статья С. К. Шаумяна «Проблема фонем»¹ свидетельствует, как и другие его работы, о живом, даже, скажем, обостренном интересе автора к вопросам фонологии, о желании утвердить эту дисциплину как результат усилий прежде всего отечественной науки и как более высокую ступень знания по сравнению с фонетическими исследованиями предшествующих эпох. Эти тенденции не вызывают возражений и достойны всяческого поощрения.

Однако С. К. Шаумяну свойственна какая-то заносчивость и кичливость в рассуждении о науке и ее развитии, создается впечатление, если верить автору до конца, что до Шаумяна все только ошибались и путали, а он пришел и все разъяснил правильно.

Так, спору нет, что во взглядах на фонему у Л. В. Щербы было много противоречий, но нельзя же в ответственной статье на полстраничке «разделаться» с Л. В. Щербой и вывести его за пределы фонологии. С. К. Шаумян пишет: «Мы высоко ценим заслуги Щербы в развитии физиологии звуков речи, однако должны со всей решительностью (sic! — А. Р.) сказать, что приравнивание фонемы к звуковому типу — плод недоразумения» (стр. 340). И это все только по поводу [ы] и [и], причем тут же производится насильственное отождествление Л. В. Щербы и Д. Джонза: «Щерба и Джоунз, приравнивая фонему к звуковому типу, передевают старое эмпирическое понятие звука речи в новый термин» (стр. 340). Это, конечно, неверно. Система *travesti*² свойственна прежде всего Джонзу, который так именно и определяет фонему: «A phoneme may be defined as a family of sounds»³, и в другом месте поясняет: «Das gewöhnliche russische [a] in *da* [da], das vordere *a* [ä] in der ersten Silbe von *дядя* ['d'äd'a] und das dunkle [a] in der ersten Silbe von *вода* [va'da]... gehören zu ein und demselben Phönem»⁴. Критерий смысловоразличения при определении фонемы Джонза не привлекает, что ставит его сразу вне фонологии.

Л. В. Щерба лишь иногда совпадает с Джонзом, особенно, если выхватывать из его трудов куски незаконченных цитат.

Так, если брать в работе Л. В. Щербы «Русские гласные...» (1912), § 7, где сказано, что «фонемы являются представлениями-типами» (стр. 8), то можно Л. В. Щербу обвинить во всех грехах психологизма и травестирования понятий и изъять его имя из истории фонологии (что и делает С. К. Шаумян); однако в следующем, 8-м параграфе говорится: «Прежде всего мы воспринимаем, как тождественное, все мало-мальски сходное с акустической точки зрения, ассоциированное с одним и тем же смысло-

¹ «Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз.», т. XI, 1952, вып. 4.

² См. об этом в моей статье «Проблема фонемы в американской лингвистике», Уч. зап. МПИ, т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941, стр. 103, 121. Вот оказывается, где источник остроумного безымянного определения С. К. Шаумяна о передевании старых понятий.

³ D. J o n e s, On phonemes, TCLP, IV, стр. 74.

⁴ D. J o n e s, Das System der APJ, Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebieten.

вым представлением, и с другой стороны мы различаем все способное само по себе ассоциироваться с новым значением. В словах дети и детки мы воспринимаем *t'* и *t*, как две разных фонемы, так как в одѣть /одѣт, разуть/ разут, тук/ тюк они дифференцируют значение» (стр. 9; курсив Л. В. Щербы).

Известный 38-й параграф книги Л. В. Щербы «Русские гласные...», где говорится об *и* и *ы*, изложен весьма парадоксально: прекрасно показав чередования звуков *и* и *ы* благодаря разным позициям, Л. В. Щерба неожиданно утверждает, что «*ы* является все-таки самостоятельной фонемой» (стр. 50).

В данном случае хотелось бы обратить внимание на одно интересное место в этом параграфе: «Наконец — и это самое главное — морфологически оно (т. е. *ы*. — А. Р.) в некоторых случаях идентично с *i*, как, например, вод-ы, душ-и (duš-ы), земл-и» (стр. 50).

Эти примеры показывают, что для Л. В. Щербы смысловозначительная роль фонем и связь фонем с морфологией с первых же шагов его самостоятельных исследований были обязательны. Все это чуждо Д. Джонзу.

В «Фонетике французского языка» Л. В. Щербы (2-е изд. 1939 г.) тоже немало противоречий, но если С. К. Шаумян цитирует общее определение фонемы из этой книги, где, кстати, наряду с упоминанием «звуковых типов» имеется и «способность дифференцировать слова и их формы», — следовало бы также приглядеться и к другим параграфам, например, к параграфам 57—62, где, анализируя противопоставление французских гласных, Л. В. Щерба определяет их дифференциальные признаки. Полагаю, что эти параграфы известны С. К. Шаумяну и он, наверное, многое приобрел из этих анализов Л. В. Щербы для «своих» взглядов о противопоставлениях и дифференциальных признаках фонем, хотя почему-то упорно замалчивает этот факт⁵.

Общая манера С. К. Шаумяна безымянно использовать чужие рассуждения, и притом самых разнообразных и разнородных авторов, — характеризует всю его работу. А это неизбежно толкает к противоречиям или сочетанию несочетаемого. Так, С. К. Шаумян пишет: «Имея в виду двойственную природу звуков — физическую и функциональную, можно сказать, что в известном смысле фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению. Товар составляет предмет исследования как товароведения, так и политической экономии. Тем не менее методы обеих наук не имеют ничего общего между собой. Суть дела в том, что товар, как и звуки языка, обладает двойственной природой: с одной стороны — он вещь, удовлетворяющая известным человеческим потребностям, а с другой — вещь, которую можно обменять на другую вещь. Первая особенность товара составляет его потребительскую стоимость, а вторая — меновую стоимость. Коренное отличие метода политической экономии от метода товароведения обусловлено тем, что политическая экономия исследует товар под углом зрения его меновой стоимости, тогда как товароведение изучает физические свойства товара, его потребительскую стоимость самое по себе» (стр. 334). Этому «открытию» С. К. Шаумяна соответствует определенный источник, на который автор почему-то не ссылается: это стр. 14 книги Н. С. Трубецкого «Grundzüge der Phonologie»⁶, где сказано: «Um einen treffenden Vergleich R. Jakobsens zu Wiederholen, verhält sich Phonologie zur Phonetik wie die Nationalökonomie zur Warenkunde oder die Finanzwissenschaft zur Numismatik»

Как видим, Н. С. Трубецкий оказался скромнее С. К. Шаумяна и себе этого «открытия» не приписывал.

⁵ Другим, может быть, еще более прямым источником этих соображений у С. К. Шаумяна могли быть стр. 136—137 упомянутой выше моей статьи «Проблема фонемы в американской лингвистике», о чем С. К. Шаумян также упорно молчит.

⁶ TCLP, VII, 1939, стр. 14.

Но еще более существенно то, что С. К. Шаумян расширил это сравнение, в результате чего оказалось, что звуки «потребляют», а фонемы «обменивают». Все это только затемняет, а не разъясняет вопрос. А главное, остается неправильная установка К. Бюлера, Н. С. Трубецкого и многих других зарубежных ученых о наличии двух наук: фонетики и фонологии. Место фонологии понятно — это, наряду с грамматикой и лексикологией, законная часть языкознания как общественной науки. А где же место фонетики? Среди каких наук? Если звуки речи «вещь, которую потребляют в силу их физических свойств», то объект этот явно вне общественных наук.

С точки зрения советского языкознания никакого противопоставления фонетики и фонологии делать не следует. Просто фонология — это более высокая, совершенная ступень развития фонетики⁷, и фонология не исчерпывается только установлением числа и соотношения фонем в системе языка, а исследует все реальное распределение этих фонем и их групп по речевым позициям, с учетом всех возникающих вариаций и вариантов, нейтрализаций и т. д. При этом фонология, как и любая иная наука, может пользоваться данными любых других наук, хотя бы и неродственных, например акустики, анатомии, физиологии, отнюдь не претендуя включать эти почтенные науки в языкознание.

В свете сказанного по меньшей мере странным кажется утверждение С. К. Шаумяна о том, что та или иная реализация данной фонемы в разных диалектах не существенна для диалектологии: «разница в произношении между *sup* и *sin* несущественна для характеристики польских диалектов. На всей польской языковой территории мы имеем одну и ту же фонему [i]» (стр. 341). С этой точки зрения произношение *z* в виде [γ] или [g], а также различные типы яканья, позволяющие классифицировать южнорусские диалекты, да и само яканье в целом, в противоположность, допустим, эканью и ёканью (если это касается фонемы [o] после мягких согласных в предударном слове), — тоже «несущественны для характеристики русских диалектов»? Очевидно, С. К. Шаумян никогда не занимался всерьез диалектологией и никогда не принимал участия в работе над диалектологическими картами.

В отношении Н. С. Трубецкого в статье С. К. Шаумяна высказаны очень противоречивые суждения. С одной стороны, С. К. Шаумян пишет «Н. С. Трубецкой — фактический создатель фонологии, и в этом его огромная заслуга перед наукой о языке» (стр. 332).

Но, усвоив от Трубецкого (и К. Бюлера) неправильную методологически идею о разделении наук о звуковом строе языка на фонетику и фонологию, С. К. Шаумян в дальнейшем («4. Критика эклектической концепции Н. С. Трубецкого»), игнорируя сложный и противоречивый путь развития идей этого крупного ученого, критикует его «сплеча», не взирая на очевидные обратные факты. Так, он пишет: «В своих работах Трубецкой выступает решительным защитником строгого разграничения между фонологией и фонетикой. Чем же тогда объяснить то, что на деле Трубецкой постоянно сбивался с функциональной точки зрения, смешивая функциональное тождество звуков с физическим и физическое членение речевого потока с функциональным?» (стр. 336, 337).

По поводу этого хочу привести только один пример из «Grundzüge der Phonologie» Трубецкого: «Dabei darf der phonologische Begriff der Lokalisierungsreihe mit dem phonetischen Begriff der Artikulationsstellung nicht mverwechselt werden. Im Tschechischen z. B. besteht zwischen dem Stimmhaften laryngalen *h* und dem stimmlosen gutturalen *x* («ch») ein aufhebbares Oppositionsverhältnis, das den Verhältnissen von «stimmhaft—stimmlos» vollkommen analog ist, und anderseits steht *x* zu *k* in einem eindimen-

⁷ В этом смысле совершенно безразлично — называть ли этот раздел лингвистики «фонология» или по-старому «фонетика».

sionalen proportionalen Verhältnis ($x : k = s : c = \check{s} : \check{c}$). Somit gehört *h* im Tschechischen nicht zu einer speziellen laryngalen Reihe, die in dieser Sprache gar nicht existiert, sondern zu gutturalen Reihe, für welche vom Standpunkte des tschechischen phonologischen Systems nur die Nichtbeteiligung der Lippen und der Zungenspitze relevant ist» (стр. 117).

Этот пример, обоснованный настоящим знанием чешской фонетической системы (куда включаются «фонетика» и «фонология»), показывает, как в этих случаях Н. С. Трубецкой, оказывается, был фонологом в желательном для С. К. Шаумяна смысле.

То же, что действительно требует критики в работах Н. С. Трубецкого, как, например, разделение науки о звуковом строе на фонетику и фонологию, безоговорочно принимается С. К. Шаумяном.

В связи с этим следует остановиться еще на одном вопросе — на теории С. К. Шаумяна о «смешанных фонемах». Излагая эту странную и противоречащую всем прежним рассуждениям автора о фонемах «теорию», С. К. Шаумян начинает с полемики с «одной ошибочной теорией», «которую отстаивают некоторые московские лингвисты. Мы имеем в виду теорию о двух разновидностях фонемы — вариациях и вариантах. Приверженцы этой теории не видят, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме функционального тождества» (стр. 339).

Приемы этой полемики удивляют: что это за анонимы? Почему «ошибочную теорию» надо излагать в таком неверном и обезображенном виде? Вариации и варианты не «разновидности фонем», а разные типы модификаций или варьирования фонем. Как раз точка зрения на варианты не как на особые фонемы (хотя бы и «смешанные»), а именно как на варианты тех или иных фонем и есть признание функционального тождества, только с ослабленной смысловозначительной способностью⁸.

Но главная суть дела заключается в том, что вводимое С. К. Шаумяном понятие «смешанных фонем» не только противоречит тому, что сам автор ранее писал в данной статье о фонемах, но и имеет все тот же источник: Н. С. Трубецкого. В самой неудачной в теоретическом отношении работе «Das morphonologische System der russischen Sprache»⁹ Трубецкой вводит особое обозначение прописными буквами РТКСŠF таких шумных, «звонкость или глухость которых зависит от окружающих условий и фонологически незначима» (стр. 14); например, F p' i x n ù T', F z' a T' (sic!) (стр. 55); наверное, С. К. Шаумяну известно, что позднее Трубецкой отказался от этой теории «смешанных фонем» (например, в «Grundzüge der Phonologie», 1939, и в других работах). Зачем же повторять чужие, оставленные позже, ошибки, и к тому же опять с фигурой умолчания об источнике?

Пожалуй, наиболее интересное место в статье С. К. Шаумяна представляют рассуждения о том, что в известных условиях одинаковые звуки могут быть представителями разных фонем и разные звуки — «вариантами» одной фонемы. Это правильное положение подтверждается автором иллюстрацией из датского вокализма со ссылкой на работу А. Martinet (наконец-то!) и остроумной схемой трех гласных фонем с двумя вариациями каждой:

$$\begin{array}{l} [i] \leftrightarrow [e] \\ [e] \leftrightarrow [æ] \\ [æ] \leftrightarrow [a] \end{array}$$

на материале вымышленного языка¹⁰.

⁸ См. П. С. Кузнецов, К вопросу о фонематической системе современного французского языка, Уч. зап. МГПИ, 1941; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерки грамматики современного русского литературного языка, 1945; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, 1947, и др., где эта «ошибочная теория» достаточно ясно изложена.

⁹ TCLP, 5₂, 1934.

¹⁰ Метод использования «вымышленного языка» также имеет своих предков. Я имею в виду опубликованную 27 лет назад статью Э. Санира «Sound Patterns in Language», 1925.

Первый вопрос по этому поводу: почему эти два [e] и два [æ] представляют собой разные фонемы, а не одну «смешанную фонему»? И второй вопрос: можно ли только таким «алгебраическим» методом раскрыть один из сложнейших вопросов фонологии? Ведь в реальных языках действует не только одна «алгебра».

Упорное стремление С. К. Шаумяна к схематизму закрывает для него сложности, связанные с разрешением проблемы фонемы.

Так, он пишет: «Основные понятия фонологии есть абстракции, которые представляются диковинными с точки зрения так называемого «здравого смысла». Однако эти абстракции неопровержимы, потому что они подтверждаются фактами исследовательской практики» (стр. 325). Здесь С. К. Шаумян подменяет один объект другим: фонемы и их модификации в языке во всей сложности и реальности функционирования языка — «очичищенными» исследовательской практикой абстракциями.

Но ведь суть фонологии как более высокой ступени фонетики заключается в том, что физические ее объекты в той или иной степени абстрактны, но лингвистически фонемы реальны и конкретны. Система фонем во всем богатстве ее функционирования создается не абстрагирующими приемами исследовательской практики, а народом, и народ пользуется различными «фонологическими средствами» в практике своего общения для различения смысла **в ы ш е с т о я щ и х** языковых единиц. А исследовательская практика лишь познает с большей или меньшей адекватностью эту объективную реальность.
